

4. ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

Тонкая кожа, мгновенно аспыхивающий румянец, нега в плавных движениях и жестах - совсем не главное в очаровании Купавиной Полины Кутеповой. Так же, как прищур глаз, умение выбрать шляпку к лицу - все это мелочи и детали. Такую будут хвалить, любить и делить, даже если бы она была неловкой дурнушкой в затрапезном капоте. Беспомощность и беззащитность каждого движения, звука голоса действует неотразимо. Она не ослепляет, не заинтриговывает, не покоряет, но легко раскидывает сеть полуулыбок и полунаклонов, порханий рук и снятых глаз... Она как бы и не догадывается о своей победительности, почти стесняется своей неотразимости. И часто скромно потупляет ресницы. Рядом с ней каждый мужчина просто обязан стать ее рыцарем, защитником и покровителем. Каждая женщина - ее опекушкой и наставницей. Никакие другие отношения с ней практически невозможны.

Она так доверчива и наивна, так простодушна и нетребовательна, что ее необходимо тут же окружить заботой и вниманием, удалять подальше все, что может ее задеть, забрать из ее рук деньги, дела, деловые бумаги. Она так абсолютно не знает, что делать с векселями, она так растерянно смотрит на документы в руках, так покорно выслушивает любые указания, что ни одно сердце просто не может этого выдержать. И не оборвать такую грех, и обидеть совестно. Обидишь и покаешься. Обманываешь ее, остаешься в убеждении, что остальные мизансета ее не стоят. Толстый слой жира и лени не мешают Лыняеву стать ее ходатаем и делопроводителем.

Барыня-помещица, избалованная и изнеженная, эта Купавина излучает мягкую томность и... скрытое лукавство. Она делает, что ей говорят; слушает, наклонив голову, беззаботно идет в подготовленные ловушки... но мы уверены в том, что с ней ничего плохого не может случиться. Кто-нибудь непременно окажется рядом: поможет, спасет, поддержит. Не Лыняев, так Беркутов. Не Беркутов, так кто-то еще. И странным образом она и сама это знает. Ее женская кротость - оружие куда более сильное, чем откровенные командирские замашки Глафиры. Эта Купавина никогда ничего не потребует, не получит все в подарок, ни на чем не будет настаивать, и все произойдет по ее желанию.

Может, потому так жалок в финале в минуту своего торжества ее нареченный жених? Бед-

ный Беркутов, расчетливый, дальновидный, нестигаемый! Какие веревки будет вить из него эта простушка, так скромно потупившая голову! И даже веревки вить не будет, а сам он будет расхищаться, стремясь угодить этому нежному существу. Островский вряд ли мог предвидеть превращение своей провинциальной вдовы в Женщину с большой буквы. Но это заставило преобразиться знакомую пьесу, открыв новые измерения классического текста.

ВРЕМЯ АКTRИС

Девяностые годы в искусстве - время актрис. Галантно и незаметно мужественные герои, неотразимые любовники, великолепные драчуны, фразеры и интеллектуалы сошли со своего трона, уступив место прекрасным женщинам. Из девятисот девяносто девяти правдоподобных объяснений причин случившегося одно кажется бесспорным: женщины оказываются на высоте в любые времена - слышат ли они голоса под дубом или спешат укоротить юбки и упрямить нижнее белье. Женщины в обществе часто похожи на карнатид: вроде бы чисто декоративная деталь убранства, но основная тяжесть лежит на их плечах.

Ища в актерах приметы своих современников, мы, как правило, выбираем красивые лица, ясные глаза, предпочитая узнавать себя в приукрашенных формах и вариантах. Если колхозница, то Орлова. Если блатной - то Высоцкий. Юные актрисы-фоменки льстят нашему времени, утончая и облагораживая его черты. И может именно поэтому их театр так любят: знатоки и простаки, интеллектуалы и публика. Они так талантливы, так бесечно-красивы, и еще эта сень девушек в цвету...

Ольга ЕГОШИНА

компания бражников, в которой она находится, ничуть ее не тревожат. В разбитой бабенке неожиданно проглядывает подросток-сорванец, сквернословящий, чтобы набить себе цену и показаться взрослее. Озорная девчонка беспечно играет своей и чужими судьбами, как она совсем недавно играла куклами, азартно, увлеченно, с горящими глазами.

Тема взросления, прощания с детством, с беззаботным прошлым станет сквозной темой этого театра, по-разному преломляясь в творчестве его актрис. Мадлен Джабраилова выпадет роль Питера Пэна, в его женском ключе: девчонка, которой никогда не суждено стать взрослой. Уже в «Двенадцатой ночи» в ее партнерях иногда вдруг ощущалось предвещание взрослой жизни: в трезвости Себастиана, в женской покорности Виолы, в снисходительной манерности Оливии. Их можно представить взрослыми. Марию - никогда. Именно поэтому она практически пропадает в сцене свадьбы. Детство окончилось, и окончилась роль.

В ее характерных ролях, в ее юных девушках вдруг проглядывает хитрый глаз, лукавый прищур вечного ребенка. Именно поэтому она вносит в спектакли веселое озорство и беспечную жизнерадостность.

2. «ДО СТРАННОСТИ ПОХОЖА НА ЛУННЫЙ СВЕТ...»

Тяжелые веки, длинную шею и медальный профиль Галины Тюниной только очень сонный Казанов мог принять за облик юного гусара. Ее Генриэтта: женщина-грёза, женщина-сон, мечта в

пепельном парике с открытым гладким лбом. «До странности похожа на лунный луч» - это о ней.

Спектакль Ивана Поповски «Прикличенье» - одно из лучших воплощений Цветаевой на сцене. Неуловимое, перебивающееся, все на нитонации и сломе слово Поэта обрело воплощение. В узком коридоре звучат шаги, мелькают силуэты, летят слова. Вам ни на секунду не дано увидеть все целиком. Все время что-то происходит вне поля вашего зрения. Часть - вместо целого: старинный театральный прием становится организующим принципом, опирающимся на банальную истину: самое важное в стихах - за и помимо текста.

Слово и ритм организуют движение персонажей, которых словно ведет неслышимая музыка. Каждый жест, движение, взгляд Генриэтты подчинены ритму стиха. Вся - любовь и музыка (их слияние и образует цветаевский стих). Но при этом «любовь, которой страннее нет»: обреченная с самого момента встречи, призрачно-нереальная в своем холодном совершенстве. Эта ледяная ослепительная нежность отточенных реплик, эта дистанция в самом тесном объятии. Этот мрамор бледных черт. Этот четкий силуэт, постоянно готовый исчезнуть, раствориться. Ледяное пламя, лунный пожар, холод страсти - такова Генриэтта Тюниной.

Ее классический профиль и растянутасть гласных будут вспоминаться долго. Да еще ощущение оживших роящихся слов, как золотые мячи, летающих от актера к актеру и заполняющих

